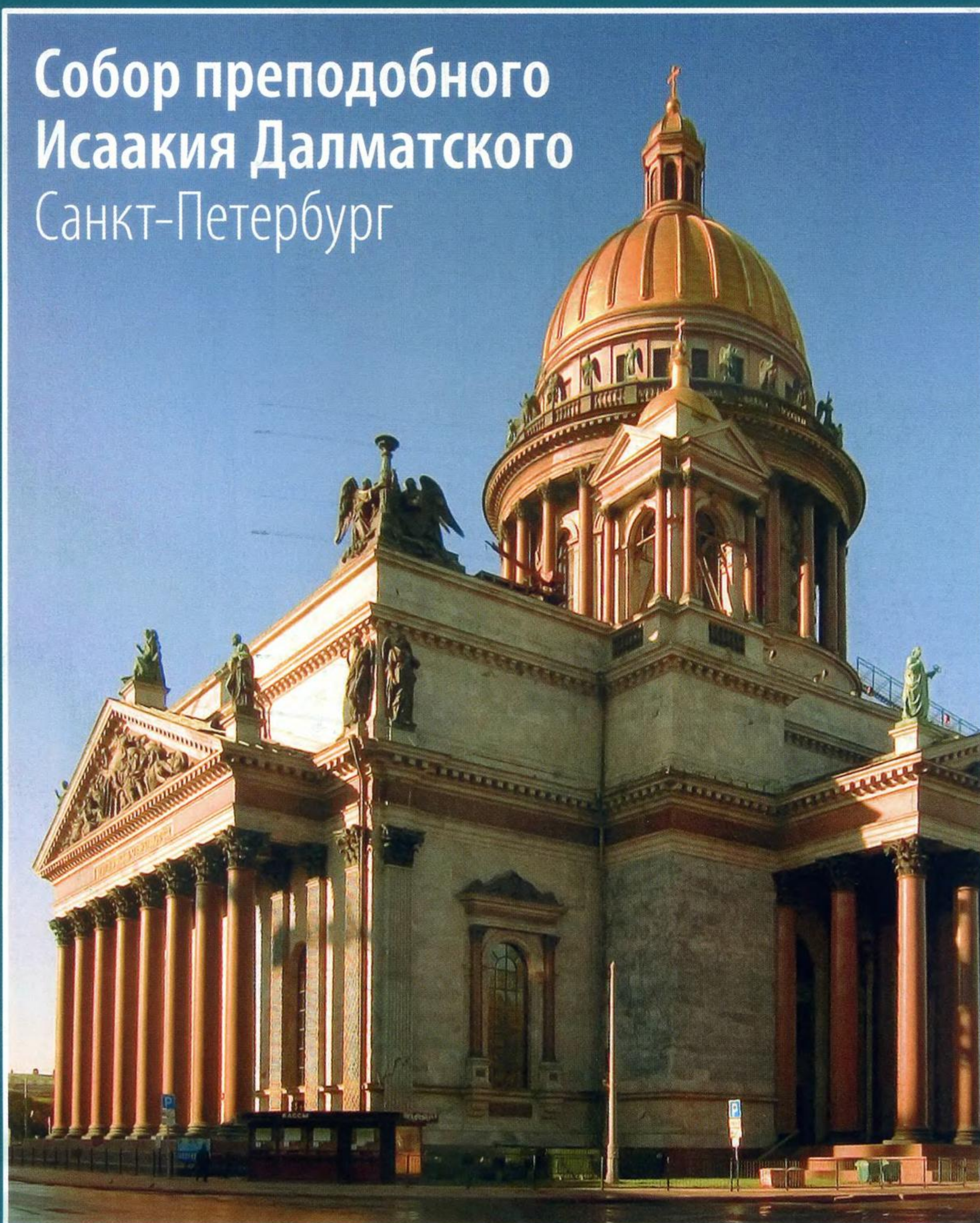
VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

Православные Храмы

путешествие по святым местам

Собор преподобного Исаакия Далматского

Санкт-Петербург

№2

Рождение шедевра

Стройка века

Через века

Кафедральный собор и антирелигиозный музей

Судьбы

«Архитектор невзначай»

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.

Розничная цена: 14,90 грн, 14 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

ISSN 2304-0068

Содержание

Эпоха

При трех царях 3

Рождение шедевра

Стройка века 4

Через века

Кафедральный собор и антирелигиозный музей 10

Святыни

«Со слезами возблагодарив Матерь Божию...» 12

Облик

С имперским размахом 14

Окрестности

Парадный фасад Петербурга 20

Судьбы

«Архитектор невзначай» 24

«Великий Карл» 28

Современная жизнь

«Дом Мой домом молитвы наречется» 30

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 3: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Fine Art/EastNews; 4: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2012/Фото: С.В. Суетова; 5: (все) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург; 6: (верх) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, (центр) © Fine Art/EastNews; 7: (верх, лев и низ) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, (верх, прав) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 8: (верх) © Grafika.ru/Fotobank.ru, (низ) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург; 8/9: (на развороте) © Grafika.ru/Fotobank.ru; 10: (верх) © Fine Art/EastNews, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 11: (верх) © AKG/EastNews, (низ) © РИА «Новости»; 12: (лев) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, (прав) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 13: (верх) © Агентство «Фото ИТАР-ТАСС», (центр) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 14: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Максим Горпенюк/Фотобанк Лори; 15: (верх, лев) © Фотобанк Лори, (верх, прав) © Виктор Карасев/Фотобанк Лори, (низ, лев) © Валентина Качалова/Фотобанк Лори, (низ, центр) © Parmenov Pavel/Фотобанк Лори, (низ, прав) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 16/17: © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 18: (все) © Ольга Липунова/Фотобанк Лори; 19: © С.А. Рубис; 20: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 21: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (центр, лев) © Stockphoto/Фотобанк Лори, (центр, прав) © Наталия Румянцева/Фотобанк Лори, (низ) © Vladimir Kolobov/Фотобанк Лори; 22: (лев) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (центр и прав) © Grafika.ru/Fotobank.ru; 22/23: (на развороте) (центр) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Grafika.ru/Fotobank.ru; 23: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 24: (лев) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав) © AKG/EastNews; 24/25: (на развороте) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 25: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 26: (верх) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, (центр) © РИА «Новости», (низ) © Grafika.ru/Fotobank.ru; 27: (верх) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, (низ) © Fine Art/EastNews; 28: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 28/29: (на развороте) © Ольга Липунова/Фотобанк Лори; 29: (все) © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2012; 30: (центр) © Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 31: © С.А. Рубис.

«Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Выпуск №2, 2012
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 170100, г. Тверь, Почтамт, а/я 245, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам».
Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ЗАО «ИД Бурда»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ №ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Министерства юстиции Украины КВ № 18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 17 2-999-260

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн., 14900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 300 000 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 11.09.2012

При трех царях

Ныне существующий Исаакиевский собор строился попечением трех императоров — Александра I, Николая I и Александра II. Менялась Россия, Европу сотрясали политические катаклизмы, а Исаакиевский собор все рос и рос, зримо воплощая в себе величие империи.

События эпохи

1818 Александр I утверждает проект Исаакиевского собора, предложенный молодым французским архитектором Огюстом Рикаром Монферраном.

1821 В Греции вспыхивает национально-освободительная война.

1825 Монферран перерабатывает проект, поскольку Комитет по делам строений и гидравлических работ находит «невозможным произвести перестройку Исаакиевского собора» по чертежам архитектора.

1828 В присутствии царской семьи и множества публики установлена первая колонна Исаакиевского собора.

1836 Завершено возведение стен и пилонов Исаакиевского собора, начинается сооружение перекрытий.

1837 Между Петербургом и Царским Селом проложена первая в России железная дорога.

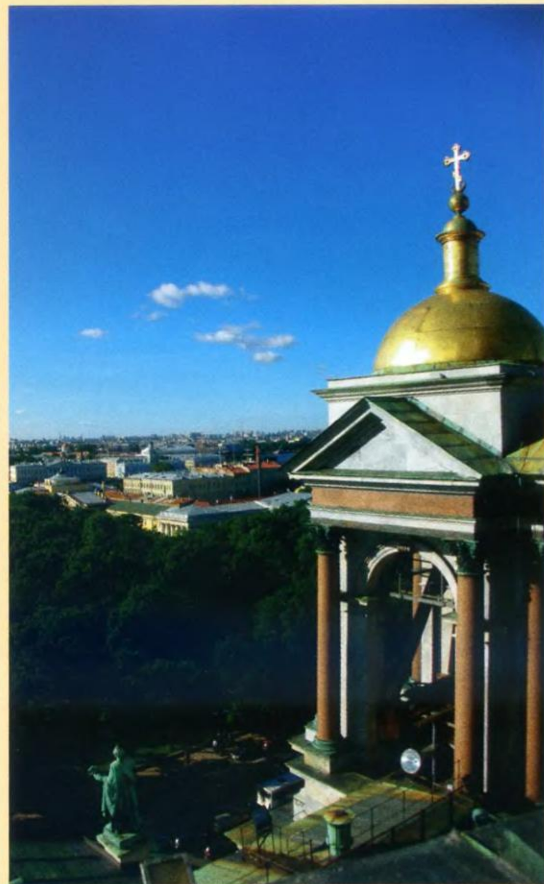
1848 Издан «Манифест Коммунистической партии», написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом.

1853 Турция объявляет войну России.

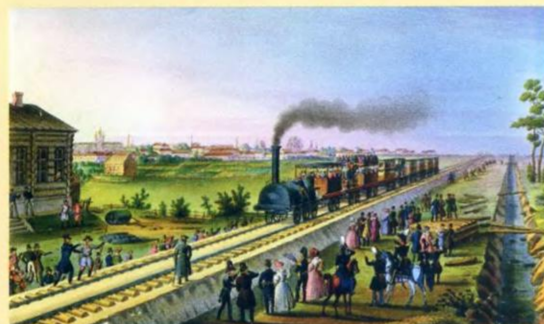
1854 Подписание Канагавского договора между Японией и Северо-Американскими Соединенными Штатами о допуске в японские порты американских торговых судов.

1858 Торжественное освящение Исаакиевского собора.

Начинала строить Исаакиевский собор держава-победительница, заканчивало государство, потерпевшее жесточайшее поражение. «Подмораживающая» политика Николая I привела к серьезному отставанию Российской империи от ведущих европейских стран в техническом отношении. К началу 1850-х годов ее могущество, символом которого и должен был стать собор прп. Исаакия Далматского (на возведение которого шла значительная часть государственного бюджета), во многом было иллюзорным. Обладая огромными человеческими и природными ресурсами, Россия оставалась преимущественно аграрной страной с неразвитой промышленностью. Ее обширные территории были слабо связаны между собой, карта пестрела городами и весями, из которых «три года скачи, никуда не доскачешь». Если Англия к 1840 году имела железнодорожные пути общей протяженностью в 2390 километров, то в России первая «чугунка» соединила Петербург с Царским Селом в 1837 году, а движение по «настоящей» железной дороге между Москвой и Петербургом открылось лишь в 1851-м.

Выводы помогла сделать крайне неудачная для нас Крымская кампания 1853—1856 годов, стоившая, по большому счету, жизни Николаю I (он скоропостижно скончался в 1855 году) и подтолкнувшая Александра II к проведению давно назревших и перезревших реформ. Освящение Исаакиевского собора состоялось, можно сказать, накануне важнейшей из них — освободившей крестьян от позорных цепей крепостного рабства.

Прибытие первого поезда из Санкт-Петербурга в Царское Село 30 октября 1837 года. Работа неизвестного художника.

Стройка века

Сто пятьдесят лет из чуть более чем двухсотлетней истории имперского Петербурга строился и перестраивался Исаакиевский собор. Ныне существующий грандиозный храм — четвертый по счету, он возводился несколько десятилетий.

Вторая Исаакиевская церковь была сходна очертаниями с Петропавловским собором (на фото).

Устройство в Петербурге первого храма во имя преподобного Исаакия Далматского, которого Петр I, появившийся на свет в день его памяти (30 мая по старому стилю), считал своим небесным покровителем, относится к самым ранним годам существования северной столицы.

Петр I с семейством на картине Г. С. Мусикийского, созданной в 1717 году.

Первый Исаакиевский храм, очень скромный, был на скорую руку переделан из деревянного чертежного амбара и находился приблизительно на том месте, где стоит сейчас главное здание Адмиралтейства.

Именно в этом храме в 1712 году состоялось венчание государя и Екатерины Алексеевны, бывшей «портомои», которой судьба уготовила русский трон и имя императрицы Екатерины I.

Деревянная Исаакиевская церковь быстро обветшала, и уже в 1717 году Петр I собственноручно заложил первый камень в основание второго храма во имя Исаакия Далматского. Решенный в стилистике петровского барокко, он строился десять лет и имел очень много общих черт с Петропавловским собором. Второй храм стоял ближе к Неве, чем первый, почти на набережной, и это предрешило его недолгий век: река, еще не закованная в гранит, подмывала берег, разрушая церковь, и уже через несколько десятилетий она пришла, как сказали бы сейчас, в аварийное состояние. Вдобавок в 1735 году в шпиль колокольни попала молния, и храм сильно пострадал от пожара.

Исаакиевскую церковь отремонтировали, но произведенные работы не решили главной проблемы. Грунт продолжал давать осадку, разрушая фундамент храма. Новый Исаакиевский собор решено было отстраивать дальше от берега.

«СЕ, ПАМЯТНИК ДВУХ ЦАРСТВ...»

В 1761 году руководителем строительства назначили С. И. Чевакинского, создателя Никольского Морского собора, однако начало работ пришлось отложить из-за государственных «неустройств». В 1762 году в результате дворцового переворота на престол взошла Екатерина II, а вскоре Чевакинский подал в отставку. В итоге закладка третьего Исаакиевского собора состоялась только в 1768 году. Проект храма подготовил талантливый итальянский зодчий

▲ *Первая Исаакиевская церковь имела самую скромную наружность — как, впрочем, большинство петербургских построек раннего периода.*

Антонио Ринальди, много потрудившийся над архитектурным обликом Петербурга и его пригородов.

Согласно проекту Ринальди, Исаакиевский собор должен был быть великолепен. Пятикупольный, с высокой колокольней, облицованный мрамором, он полностью отвечал замыслу Екатерины II, желавшей почтить память Петра Великого. Но строительство двигалось медленно, и к моменту кончины государыни здание довели лишь до карниза. Павел I не вдохновился дорогостоящей задумкой матери и, нимало не огорчившись отъездом Ринальди за границу, поручил архитектору Винченцо Бренна как можно скорее достроить собор, приказав при этом мрамор, заготовленный для облицовки его верхней части, передать на строительство своей новой резиденции — Михайловского замка.

Бренна, торопясь окончить строительство, вынужден был исказить первоначальный замысел Ринальди, и собор вышел неказистым, кургузым. На мраморном основании, приготовленном для торжественного пятиглавия, Бренна выстроил кирпичное «нечто» с одной главой, дав повод насмешникам сложить эпиграмму: «Се, памятник двух царств,/ Обоим столь приличный./ На мраморном низу/ Воздвигнут верх кирпичный». В краткую павловскую эпоху за такие вирши вполне можно было переселиться из Петербурга в Сибирь. Но очевидное не спрячешь: третий Исаакиевский собор действительно не гармонировал с парадным обликом петербургского центра. Да и, при крайней экономии, проявленной при его завершении, очень быстро стал приходить в негодность: уже вскоре после освящения собора (в 1802 году) со стен начала кусками отваливаться штукатурка.

Явление Монферрана

В 1809 году Александр I объявил конкурс на проект приведения Исаакиевского собора в надлежащий вид. Поначалу существовала надежда, что удастся обойтись перестройкой лишь верхней его части, приискав «форму купола, могущую придать величие и красоту столь знаменитому зданию», однако все архитекторы предлагали государю проекты новых соборов, и спустя несколько лет он оставил лишь одно требование к проекту: сохранить существующую алтарную часть.

Кончилась Отечественная война, был заключен Священный союз, а вопрос о перестройке Исаакиевского собора все еще оставался открытым. Только в 1818 году молодой французский архитектор Огюст Рикар Монферран, никому не известный не только в России, но и у себя на родине, представил Александру I проект,

Преподобный Исаакий Далматский

Св. Исаакий Далматский, которого Петр I почитал своим небесным покровителем, жил в IV веке, был монахом (в чине преподобных Церковь прославляет только монашествующих), подвизался в пустыне. Претерпел гонения в годы правления императора Валента (364—378), рьяного сторонника ереси Ария, отрицавшего единосущие Бога-Сына Богу-Отцу (Арий утверждал, что Бог-Сын сотворен Богом-Отцом и, следовательно, в сравнении с Ним является существом низшего порядка). После гибели Валента и восшествия на престол императора Феодосия Великого преподобный Исаакий основал близ Константинополя монастырь, где и скончался в 383 году. После смерти Исаакия игуменом этого монастыря сделался преподобный Далмат, по имени которого впоследствии стали называть и обитель, и самого ее основателя.

Икона преподобного Исаакия Далматского, находящаяся в Исаакиевском соборе.

предусматривавший сохранение алтарной части Исаакиевского собора и подкупольных пилонов.

Проект Монферрана с самого начала вызывал недоверие специалистов, но 20 февраля 1818 года он все же был утвержден государем, а 26 июня 1819 года состоялась торжественная закладка нового Исаакиевского собора.

Не успела столичная публика восхититься гравированными видами будущего собора, выпущенными Монферраном, как у его проекта появился серьезный критик. Им оказался архитектор А. Модюи, являвшийся одним из членов Комитета по делам строений и гидравлических работ. В октябре 1820 года он представил в Академию художеств записку с замечаниями, сводившимися к тому, что по существующему проекту строить Исаакиевский собор не представляется возможным. Модюи справедливо указал на ошибку в расчетах, из-за которой диаметр огромного купола не вписывался в «квадрат» из четырех пилонов.

▲ *Проект Исаакиевского собора, предложенный Антонио Ринальди, был весьма изящен, но, к сожалению, его не удалось воплотить в камне по причинам, не зависящим от архитектора.*

Строительство собора приостановили. Рассмотрением замечаний Модюи занялся специальный комитет, перед которым Монферрану пришлось оправдываться, «сваливая вину» на высочайшего заказчика.

Восстание декабристов

К концу 1825 года место, где ныне возвышается Исаакиевский собор, представляло собой огромную строительную площадку, огороженную забором. 14 декабря 1825 года этот забор стал свидетелем захватывающих и трагических событий. 30 офицеров-декабристов вывели на Сенатскую площадь солдат Московского и Гренадерского полков, а также матросов Гвардейского морского экипажа. Войска построились в каре около памятника Петру I. Они намеревались — если потребуется, силой оружия — не допустить Государственный совет и Сенат к присяге Николаю Павловичу. Но тот знал о готовящемся восстании и еще затемно привел сенаторов к присяге.

Первым обратился к мятежным войскам с просьбой разойтись генерал-губернатор Петербурга граф М. А. Милорадович. Герой Отечественной войны, он был популярен среди солдат, и декабристы стремились любой ценой удалить его с площади. Начальник штаба восставших Евгений Оболенский легко ранил Милорадовича в бедро. Тут же прогремел выстрел Петра Каховского: он нанес Милорадовичу смертельную рану.

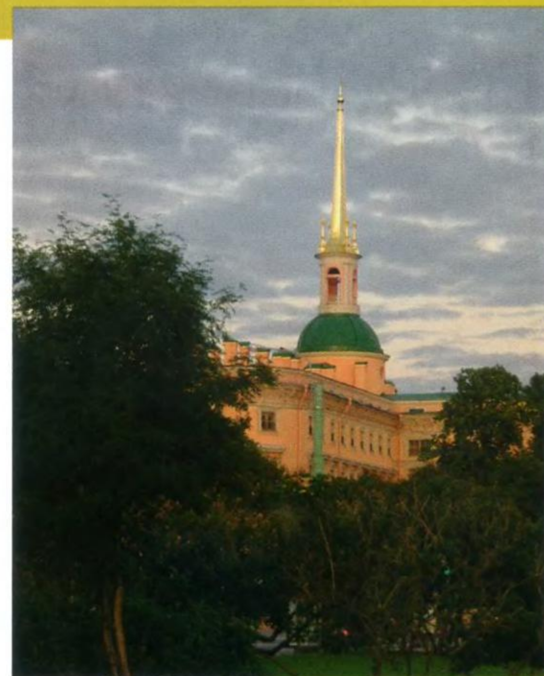
Восстание декабристов на акварели К. Кольмана. В левой части картины виден забор, ограживающий строительную площадку Исаакиевского собора.

Вокруг площади собирался народ. Николай I спешно стягивал войска, и вскоре положение декабристов стало безнадежным — тем более что избранный ими «диктатор», князь Сергей Трубецкой, на площадь не явился. Николай, однако, прежде чем дать слово оружию, отправил на переговоры с бунтовщиками митрополита Петербургского Серафима и митрополита Киевского Евгения. Миссия их оказалась безуспешной. Солдаты кричали владыке Серафиму: «Какой ты митрополит, когда на двух неделях двум императорам присягнул... Не верим вам, пойдите прочь! Это дело не ваше: мы знаем, что делаем...».

Смеркалось. В пятом часу дня царь приказал открыть артиллерийский огонь по восставшим. Декабрист Николай Бестужев вспоминал впоследствии: «В промежутках выстрелов можно было слышать, как кипящая кровь струилась по мостовой, растопляя снег, потом сама, алея, замерзала». Гибли и получали увечья не только декабристы, но и, говоря языком тогдашних официальных донесений, «чернь», во множестве собравшаяся на площади. Согласно подсчетам С. Н. Корсакова, чиновника Министерства юстиции, на Сенатской площади, прямо перед строящимся «первенствующим храмом империи», было убито более тысячи человек.

▲ *Павел I, взойдя на престол, повелел как можно скорее — и как можно дешевле — окончить строительство Исаакиевского собора. С этой задачей справился архитектор Винченцо Бренна, окургузив и обкромсав ринальдиевский проект.*

▲ *Мрамор, приготовленный для облицовки собора прп. Исаакия, Павел пустил на отделку Михайловского замка.*

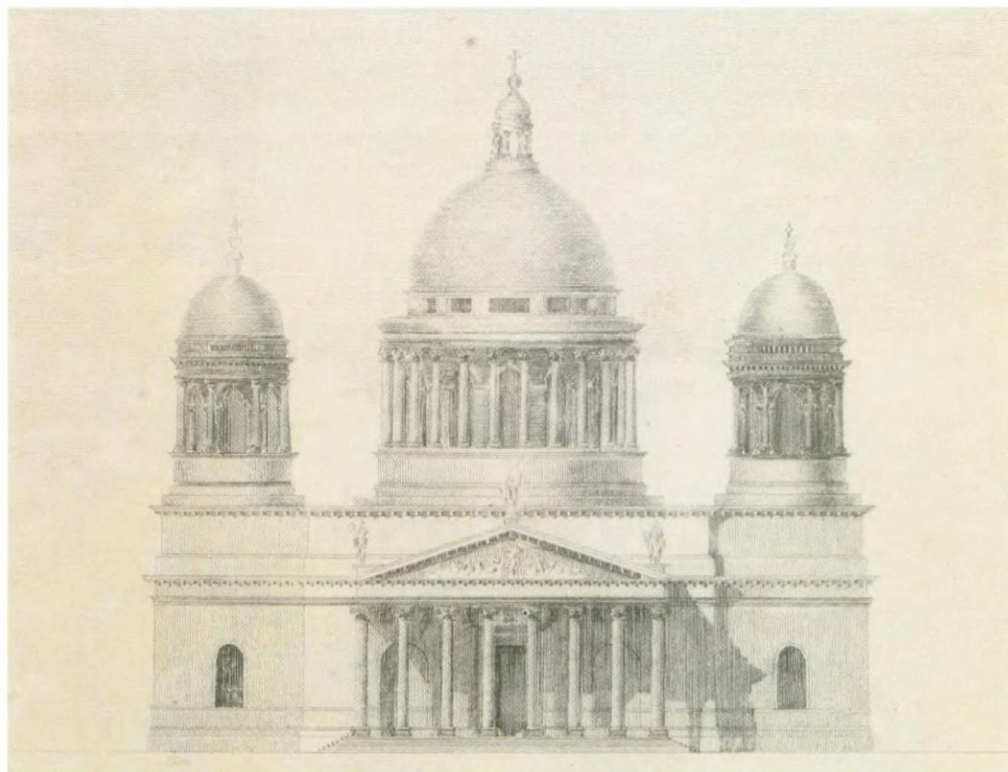
«Поскольку из нескольких проектов, — заявлял он, — которые я имел честь представить, предпочтение было отдано тому, который уже осуществляется, то… следует обсуждать этот вопрос не со мной; мне надлежит скрупулезно сохранить то, что приказано сохранить…»

Комитет подтвердил опасения Модюи, и проект 1818 года забраковали. Только к 1825 году Монферран представил новый проект, который и был утвержден 3 апреля, за несколько месяцев до кончины Александра I.

Под государевым присмотром

Восшествие на престол Николая I совершалось при событиях смутных и нерадостных. Неудивительно, что об Исаакиевском соборе в первые месяцы нового царствования почти не вспоминали. Строительство приостановилось. Нужно было деятельное вмешательство императора, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки.

Чуть позже работы по возведению собора приобрели невиданный размах. Ежегодно строительная площадка поглощала до миллиона рублей из казны (для сравнения — вся постройка Троицкого собора на Измайловской площади обошлась в два миллиона рублей). Надо отметить, что Николай считал своим долгом не только выделять достаточные средства на строительство Исаакиевского собора, но и лично давать указания о том, как надлежит строить. Стремление императора возвести храм, равного которому не было бы по пышности, привели к утяжелению здания, его перегруженности декоративными элементами. К счастью, от самых неуместных предложений государя Монферрану удавалось отказываться: так, он убедил Николая переменить уже принятое им решение позолотить все наружные скульптуры Исаакиевского собора.

▶ *Первоначальный проект Исаакиевского собора, предложенный Огюстом Монферраном Александру I.*

«А ПО БОКАМ-ТО ВСЕ КОСТОЧКИ РУССКИЕ...»

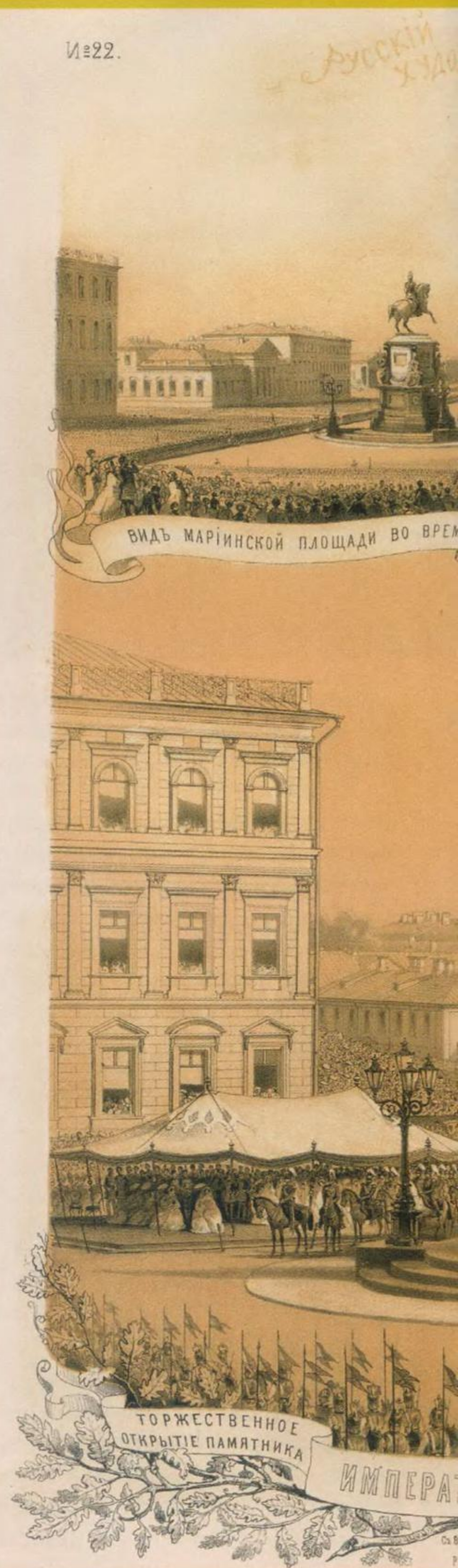
«Стройка века», опекаемая государем, поражала воображение современников. Не останавливались ни перед затратами, ни перед жертвами. Чего стоит один только процесс вырубки и установки гранитных колонн! Их вырубали на каменоломне Петюрлакс неподалеку от Выборга, избранной благодаря большим запасам гранита и близости Финского залива. На отвесной гранитной скале отмечался контур заготовки, затем в отверстия, просверленные по контуру, вставляли железные клинья, и рабочие одновременно били по клиньям тяжелыми кувалдами. Удары повторяли до тех пор, пока в граните не появлялась трещина.

В трещину закладывали железные рычаги с кольцами, в которых были закреплены канаты. Каждый канат тянули сорок человек, отодвигая, таким образом, заготовку колонны от гранитной «основы». Затем в колонне пробивали отверстия и закрепляли в них крючья с канатами, соединенными со стоящими рядом вóротами. При помощи этих нехитрых механизмов колонна окончательно отделялась от скалы и скатывалась на приготовленный заранее деревянный помост. И хотя Монферран отмечал, что подобные работы в России «не что иное суть, как ежедневное дело, которому никто не удивляется», все же они были чрезвычайно тяжелы.

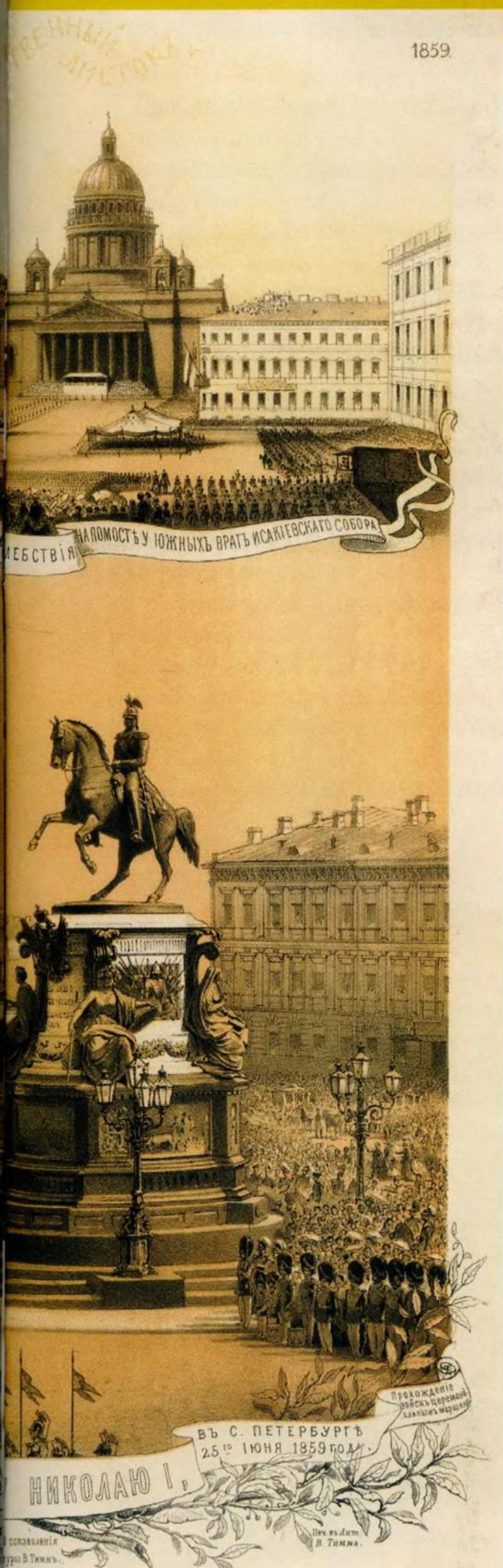
▲ *Александр I надеялся придать Исаакиевскому собору благообразный вид, обойдясь сравнительно «малой кровью». Но впоследствии оказалось, что здание нужно возводить заново.*

▼ *Вырубка гранитных колонн для Исаакиевского собора, запечатленная Монферраном в своем альбоме.*

Перевозили будущие колонны на плоскодонных судах, а с пристани в Петербурге их доставляли на строительную площадку по специально устроенному рельсовому пути (первому в России).

Николай I, на чье царствование пришлись основные работы по возведению главного храма империи, не дожил до окончания строительства. В 1855 году он скончался, в 1858 году освятили Исаакиевский собор, а в 1859 году на площади близ собора уже открывали памятник почившему императору, каковое событие и представлено на иллюстрации.

Для подъема колонн возвели леса, состоявшие из трех высоких пролетов, и установили 16 особых механизмов-кабестанов из чугуна. На каждом из таких кабестанов работало по восемь человек, а установка одной семнадцатиметровой колонны (каждая из них весила 114 тонн) в вертикальное положение занимала приблизительно три четверти часа. Первая колонна была поднята 20 марта 1828 года в присутствии избранной публики (среди зрителей присутствовали и члены императорской фамилии), а к осени 1830 года все четыре колоссальных портика уже предстали изумленным взорам петербуржцев.

Мало кого из тех, кто любовался медленно, но неуклонно растущей громадой Исаакиевского собора, интересовали судьбы простых рабочих, принявших участие в сооружении главного храма империи. Согласно документам, таких «подневольных» творцов собора насчитывалось до полумиллиона. Были это государственные и крепостные крестьяне. Около четверти из них погибло на стройке из-за несчастных случаев или болезней. Только при позолоте купола собора, выполнявшейся в технике огневого золочения, умерли от отравления парами ртути 60 мастеров.

Смерть творца

Говоря современным языком, Исаакиевский собор был «долгостроем». Сорок лет в центре Петербурга шла работа, сопоставимая, пожалуй, лишь с сооружением египетских пирамид. В 1840-е годы по городу уже позли слухи: Монферран-де не торопится достраивать храм, потому что ему нагадали смерть вскоре после окончания строительства. И действительно: не прошло месяца с торжественного освящения собора (30 мая 1858 года), как архитектор умер. Впрочем, был он уже не молод, так что дело, видимо, не в предсказании.

Монферран желал быть похороненным в отстроенном им соборе (неудивительно, ведь с ним была связана значительная часть его жизни), однако этому ожидаемо воспротивились и Святейший Синод, и император Александр II, поскольку Монферран являлся католиком. Поэтому вдове почившего пришлось везти его останки в Париж. Символическое прощание творца с его творением все же состоялось: погребальный кортеж с гробом Огюста Монферрана трижды объехал вокруг Исаакиевского собора.

Освящение Исаакиевского собора 30 мая 1858 года

Чудное зрелище представляла одна из величайших в мире площадей: направо от нас вздымал к небу свой золотой купол соборный храм; портики его были покрыты разнообразною толпою в блестящих мундирах; налево, за другой эстрадой, выстроенной у Адмиралтейского бульвара, блистала широкая лента Невы и развевались флаги судов; перед нами двигались пестрые массы войск, занимавших места свои. Большой колокол гудел торжественно...

Вскоре после того, как Государь Император, члены Августейшего Семейства и свита Их вошли в собор, где, в присутствии Их, совершен был обряд освящения храма, показался вдали крестный ход, предшествуемый певчими в разноцветных одеждах. Духовенство, в белых глазетовых ризах, с хоругвями, образами и святыми мощами, несомыми на главе архиереем, шествовало двумя рядами, впереди которых несли фонарь и крест.

По мере прохождения процессии мимо полков музыка играла гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». Эта музыка, исполненная piano, производила удивительное впечатление: слышались не инструменты, а как будто несколько поющих в отдалении хоров. Все вместе — и эта трогательная музыка священного гимна, и эта тихая, торжественная, блестящая процессия, двигавшаяся посреди необозримой площади, уставленной войсками и обрамленной тысячами народа,— представляло зрелище, которого, конечно, не забудет во всю жизнь свою всякий, кому довелось видеть его.

Из официального отчета, помещенного в «Санкт-Петербургских ведомостях»

Более полувека Исаакиевский собор достойно исполнял функции кафедрального собора: все самые торжественные богослужения проходили именно в нем. После революции собор закрыли, большевики нашли величественному зданию иное применение. Он стал антирелигиозным музеем.

Кафедральный собор и антирелигиозный музей

Исаакиевский собор и памятник Петру I. Дореволюционная открытка.

По освящении собор святого Исаакия Далматского объявили кафедральным. Торжественность соборных богослужений в церковные праздники и царские дни привлекала сюда массу народа. Исаакиевские диаконы и певчие славились в городе, а среди них наипаче — диакон Василий Малинин, служивший в соборе в 1863–1905 годах и обладавший, по воспоминаниям современников, феноменальным басом. Особенно любили богомольцы бывать «у Исаакия» в Великий четверг на Страстной седмице Великого поста, когда совершался обряд умовения ног — в воспоминание Тайной вечери, во время которой Спаситель умыл ноги своим ученикам.

С 1879 года, по инициативе соборного старосты генерала Е. В. Богдановича, собор стал издавать и распространять брошюры и листки нравственно-религиозного содержания, обращенные к простому народу

Богослужение в Исаакиевском соборе. Несмотря на многолюдство, в храме довольно просторно: Монферран исходил в своих расчетах из того, что на службе могут присутствовать одновременно до семи тысяч человек — причем не слишком стесняя друг друга.

и имевшие большую популярность. С 1896 года при главном храме империи действовало братство, содержавшее на свой счет несколько благотворительных учреждений, с 1911 года — общество хоругвеносцев. В 1909 году в Исаакиевском соборе — впервые в Санкт-Петербурге — служилась литургия, сопровождаемая всенародным пением.

Перед революцией служение в кафедральном соборе несли пять священников. Последним его настоятелем (с 1917 года) был протоиерей Николай Григорьевич Смирягин.

Маятник Фуко

Изобретение маятника, наглядно демонстрирующего вращение Земли, принадлежит французскому физику и астроному Жаку Фуко (1819—1868). Впервые публичный эксперимент с маятником Фуко был проведен в Париже в 1851 году. Тогда Фуко подвесил под куполом Пантеона металлический шар массой 28 килограммов (с прикрепленным снизу острием) на стальной проволоке длиной 67 метров. Маятник был устроен таким образом, что мог качаться не в одной плоскости (как часовые маятники), а во всех направлениях. Под маятником сделали круговое ограждение радиусом 6 метров с центром прямо под точкой подвеса, а внутри ограждения насыпали песок. Острие, прикрепленное к шару, прочерчивало песок на своем пути, и вскоре стало видно, что плоскость качания маятника поворачивается по часовой стрелке относительно пола: при каждом следующем качании острие сметало песок приблизительно в трех миллиметрах от предыдущего места. Так зрители могли увидеть своими глазами вращение Земли.

Демонстрация маятника Фуко в парижском Пантеоне в 1851 году.

Маятник Фуко, действовавший в Исаакиевском соборе с 1931 года, сейчас демонтирован, однако в России есть несколько других подобных маятников, хотя и меньшего размера (в Санкт-Петербургском и Волгоградском планетариях, а также в Алтайском университете).

«Торжество науки над религией»

После революции кафедральный собор не избег общей для всех храмов участи. В 1922 году его буквально ограбили — под благовидным предлогом помощи голодающим. Большевистская программа изъятия церковных ценностей обошлась Исаакиевскому собору в 48 килограммов золота и 2200 килограммов серебра.

Неоднократно (в 1923 и 1927 годах) власти пытались закрыть собор, но увенчались успехом эти попытки только в 1928 году. Еще через два года с соборной звонницы сняли все колокола (их отправили в переплавку), а в самом соборе открылся антирелигиозный музей, гордостью которого стал маятник Фуко на подвесе длиной 98 метров. Маятник запустили в ночь с 11 на 12 апреля 1931 года, и тогдашние газеты преподносили это событие как «торжество науки над религией» — хотя, собственно говоря, Церковь никогда ничего не имела ни против Жака Фуко, ни против его маятника.

С началом Великой Отечественной войны Исаакиевский собор был приспособлен под хранение экспонатов из пригородных ленинградских музеев, а также из Летнего дворца Петра I и Музея истории города. О периоде блокады до сих пор напоминают следы вражеских снарядов, оставшиеся кое-где на колоннах.

В 1948 году в Исаакиевском соборе открылся одноименный музей, а после реставрационных работ 1950–1960-х годов на колоннаде собора была оборудована смотровая площадка для посетителей, подняться на которую — ради прекрасного вида на город — считают своим долгом почти все гости Петербурга.

И вновь собор и памятник Петру, но уже в 1942 году. Памятник закрыт футляром, в соборе, под защитой его толстых стен, хранятся произведения искусства из музеев Ленинграда, Павловска и Пушкина.

«Со слезами возблагодарив Матерь Божию...»

Тихвинская икона Божией Матери, как и многие чудотворные иконы, имеет множество копий. Некоторые из этих списков наделены, как и их первообраз, чудотворными свойствами. К таковым относится и список с Тихвинской иконы, пребывающий в Исаакиевском соборе.

В год освящения Исаакиевского собора Петербург обрел новую святыню — чудотворный список с древней Тихвинской иконы Божией Матери. Образ находился в доме М. Д. Востоковой, женщины благочестивой и бедной (настолько бедной, что и обедать она временами ходила в странноприимный дом у Знаменского моста). Когда стали очевидны чудотворные свойства хранившегося у нее Тихвинского образа, в убогую квартирку Марьи Востоковой открылось настоящее паломничество.

«Постоянное стечение богомольцев с каждым днем увеличивалось от чудесных исцелений, совершавшихся нередко после молитвы пред святою иконою», — говорится в «Сказании о чудотворной Тихвинской иконе Божией Матери, находящейся в Исаакиевском соборе» (1898). Видя это, Востокова попросила приходского священника взять икону Божией Матери в местную церковь, но слава о ней была уже столь велика, что перенесли ее сначала в Александро-Невскую Лавру, а затем — в Исаакиевский кафедральный собор.

По свидетельству современников, перед чудотворным образом постоянно горели «десятки свеч, зажженных любовию и благодарностию

▼ Чудотворный список с Тихвинской иконы Божией Матери в Исаакиевском соборе.

В 2004 году Тихвинская икона вернулась из «эмиграции». На фото: торжественная встреча чудотворного образа в храме Христа Спасителя.

Сегодня, как и прежде, чудотворный образ пребывает в Успенском соборе Тихвинского монастыря.

к Царице Небесной». Это и неудивительно: уже в первые месяцы (да что там — в первые дни) пребывания Тихвинской иконы в Исаакиевском соборе верующие имели возможность убедиться в ее чудотворных свойствах. Следующее свидетельство опубликовано в «Сказании»: «Жена С.-Петербургскаго купца Матрена Семенова Молчалова страдала несколько лет ногами, чувствовала страшную ломоту, появилась и опухоль. Врачи признали болезнь, по летам Молчаловой, неизлечимою. 8 марта 1859 г., на третий день по перевезении иконы в Исаакиевский собор, Молчалова, не говоря никому ни слова, отправилась в собор помолиться пред чудотворною иконою. "При входе в святый храм, — писала Молчалова, — я чувствовала что-то необыкновенное: точно все суставы трепетали во мне и колыхались... Ноги мои едва переступали с места на место; я боялась упасть, но ободряемая крепкою верою я подошла к чудотворной иконе, молилась пред нею Пресвятой Богородице, отслушала молебен и потом, приложившись к святой иконе, почувствовала всю легкость и бодро встала с колен на ноги. Тотчас я поняла, что мне, грешной, дано исцеление от моей тяжкой болезни. Со слезами возблагодарив Матерь Божию, я с радостию, совсем здоровою, возвратилась домой"».

В Исаакиевском соборе Тихвинская икона Пресвятой Богородицы находилась до 1928 года, когда ее изъяли из храма. На свое место она вернулась уже в наши дни.

Тихвинская икона Божией Матери очень древняя. По преданию, в Константинополе она находилась с V века, а в 1383 году исчезла из столицы Византии и явилась в пределах Новгородской Руси.

Первообраз

Как уже говорилось, Тихвинский образ Божией Матери из Исаакиевского собора является копией гораздо более древней чудотворной иконы — по преданию, написанной апостолом Лукой и находившейся долгое время в Константинополе, а затем исчезнувшей оттуда. Исчезнувшей, чтобы летом 1383 года явиться рыбакам на Ладожском озере.

Спустя краткое время после этого чудесного явления Тихвинская икона Божией Матери обнаружилась на берегу реки Тихвинки. Местные жители построили для нее храм, а вскоре вокруг него вырос монастырь, на долгие годы ставший «домом» для одной из главных святынь Руси.

Как ни странно, в монастыре чудотворная икона оставалась вплоть до Великой Отечественной войны (хотя драгоценный оклад с нее большевики все же сняли). Но во время боев за Тихвин фашисты, осведомленные о ценности иконы, вывезли ее из города — сначала в Псков, где она находилась до 1944 года, а затем в Ригу. В латвийской столице образ Пресвятой Богородицы встретил епископ Рижский Иоанн (Гарклавс). Пройдя вместе с ним все тернистые беженские пути, в конце 1940-х годов Тихвинская икона оказалась в США и начиная с 1950-х годов постоянно пребывала в Свято-Троицком соборе Чикаго, где служил владыка Иоанн.

Нужно сказать, что ни епископ Иоанн, ни его приемный сын протоиерей Сергий Гарклавс не ставили себе цели навсегда «удержать» чудотворную икону Божией Матери как можно дальше от России. Напротив, они всегда надеялись вернуть ее в Тихвинский монастырь. Владыка Иоанн до такой возможности не дожил, скончавшись в 1982 году. Возвращение Тихвинской иконы в свой «дом» из-за океана состоялось только летом 2004 года.

Снаружи

С имперским размахом

◄ «Зачем эта мрачная масса в нашем мрачном климате?» — задавался вопросом Карл Брюллов.

«Нельзя себе представить, какую идею силы, мощи и вечности выражают на своем немом языке эти гигантские колонны, в едином броске устремленные вверх... Они долговечны, как кости самой Земли, и если рассыплются, то только вместе с нею», — писал об Исаакиевском соборе Теофиль Готье. Это суждение французского романтика лестно, но не во всем справедливо. В целом собор преподобного Исаакия Далматского как раз не оставляет впечатления «устремленности вверх», на котором настаивает Готье. Его мощное «тело» слишком грузно, в его фасадах слишком отчетливо прослеживаются горизонтальные членения (цоколь, карнизы и т. п.). Все это сообщает зданию приземистость, но в то же время обилие монументального декора (барельефы, скульптура) не дает возможности воспринимать его как единое «монолитное» целое — по крайней мере, вблизи.

Со всем тем собор является выдающимся — и едва ли не самым поздним — памятником классицизма в Петербурге. Его облик таков, что легко «прижился» бы в любом из европейских городов. Каких-то специфически-православных черт он не несет, и в этом смысле Исаакиевский собор в большей степени является памятником имперскому могуществу николаевской России, чем напоминанием о величии Божием, которое русские зодчие традиционно привыкли визуализировать совершенно иначе. С этим нам не раз еще придется столкнуться при знакомстве с петербургскими храмами. Имперский стиль, имперский размах выпячивают в архитектуре идею государственности, затушевывая собственно христианскую, православную идею.

Надо сказать, что нечто подобное применительно к Исаакиевскому собору ощущали наиболее чуткие люди своего времени. Карл Брюллов, работавший над внутренним оформлением храма, удивлялся: «Зачем эта мрачная масса в нашем мрачном климате?.. Белый, с золотыми маковками букет к небесам был бы лучше». Того же мнения придерживался М. Д. Бутурлин, говоря об Исаакиевском соборе: «В архитектурном отношении он мне не нравится, как не соответствующий стилю храма греко-российского исповедания и как подражание парижской церкви св. Женевьевы и лондонской св. Павла».

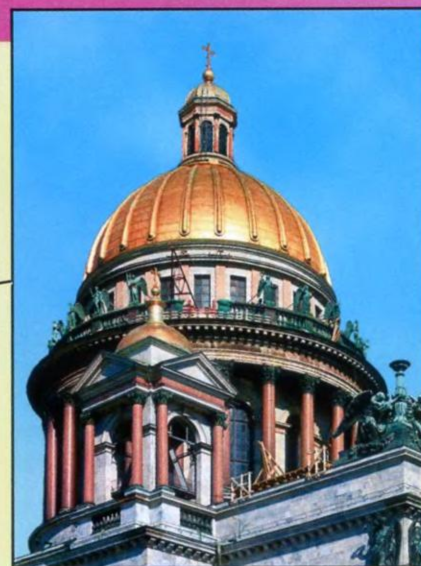
Однако большинство современников отзывались о соборе комплиментарно, впечатленные его грандиозными масштабами, зримым воплощением «самородного богатства материалов своеземных». А со временем, сросшись и сроднившись с Петербургом, Исаакиевский собор просто перестал восприниматься как нечто, доступное критике. Он есть, он знаменит, он — отражение имперского периода нашей истории.

▼ Собор святого Павла в Лондоне — «архитектурный родственник» собора святого Исаакия.

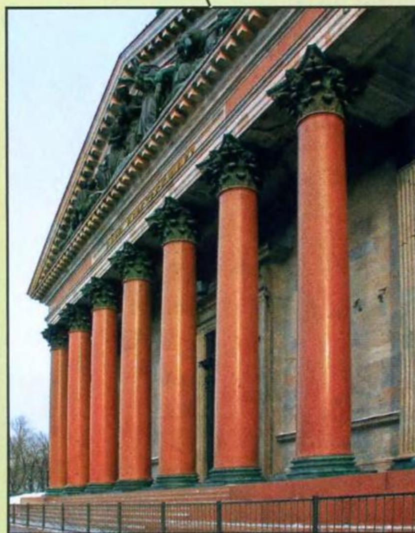
Обзорная площадка

Купол

Купол Исаакиевского собора, имеющий 22 метра в диаметре (наружный диаметр — около 26 метров), является одним из самых больших в мире. Он занимает четвертое место после куполов соборов святого Петра в Риме, святого Павла в Лондоне и Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции. Архитектурное родство творение Монферрана обнаруживает с куполом собора святого Павла и парижского Пантеона (церковь св. Женевьевы). Изначально предполагалось, что купол будет кирпичным, но в 1838 году Монферран предложил сделать его полностью металлическим — дабы максимально облегчить конструкцию без ущерба для ее прочности. Это, весьма новое для своего времени, техническое решение и было воплощено в жизнь.

Портики

Первоначальный монферрановский проект собора предполагал лишь два шестнадцатиколонных портика — с северной и южной сторон. Но по настоянию Николая I архитектор «одел» портиками также восточный и западный фасады. Правда, восточный и западный портики имеют лишь по восемь колонн.

Двери

Массивные двери Исаакиевского собора богато украшены бронзовой пластикой. Идею такого оформления Монферран почерпнул у Гиберти, автора знаменитых «Золотых дверей» флорентийского баптистерия. Но, конечно, двери Исаакиевского собора гораздо больше. Отворяться они могут лишь при помощи особых механизмов, спрятанных в толще стен.

Фронтоны

Главным скульптором Исаакиевского собора был И. П. Витали. Трудились над внешним убранством храма также скульпторы И. Герман, А. В. Логановский и Ф. О. Леметр. Последнего пригласили для работы над горельефами северного и восточного фронтонов. Запросив астрономическую сумму, он не вполне справился с задачей: например, в композиции северного фронтона, представляющей Воскресение Христово, он увеличил без соблюдения масштаба фигуру Христа, и в итоге она словно «вывалилась» из плоскости фронтона. Эта неудача очень досадна, поскольку северный фасад собора, выходящий к Неве и памятнику Петру, является «смыслообразующим» — недаром над портиком золотится надпись: «Господи, силою Твоею возвеселится царь».

КАССЫ
Православные
Храмы
путешествие по святым местам

Собор преподобного Исаакия Далматского
(Исаакиевский собор)
Санкт-Петербург

Собор преподобного Исаакия Далматского
(Исаакиевский собор)
Санкт-Петербург

Православные Храмы
путешествие по святым местам

Внутри

◀ *Мозаичный образ «Божия Матерь с Младенцем», исполненный по живописному оригиналу Т. А. Неффа.*

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР имеет три престола. Центральный был освящен во имя преподобного Исаакия Далматского, северный — во имя благоверного князя Александра Невского, небесного покровителя Александра I (уместно также вспомнить, что святого князя сугубо почитал Петр I, распорядившийся перенести его мощи в Петербург). Южный придел посвящен великомученице Екатерине, чье имя носила императрица Екатерина II.

На украшение «внутренности» собора ушло семнадцать лет. К работам, начавшимся в 1841 году, привлекли 22-х художников, причем никакого конкурса объявлено не было: все решало слово государя. Весьма значительный объем росписей поручили мастеру Т. А. Неффу, до того никак не зарекомендовавшему себя в монументальной живописи. Так распорядился Николай I, которому очень нравился портрет великой княгини Марии Николаевны, исполненный Неффом. Помимо Неффа, трудились над внутренним убранством собора такие художники, как К. П. Брюллов, Ф. А. Бруни, В. К. Шебуев и другие, а также скульпторы — уже помянутый И. П. Витали и П. К. Клодт.

Условия работы живописцев оговаривались в особом документе, который гласил: «Художники… обязаны в течение четырех месяцев от получения разрешения представить эскизы того сюжета, который им предъявлен будет. Эскизы сии будут представлены на усмотрение государя, и посему от государя зависит окончательное присуждение работы каждого из художников. Если эскиз не будет избран, то художник не имеет права ни на какое вознаграждение за составление оного». Государь был последней инстанцией, которую надлежало пройти эскизам. Раньше него их смотрели и оценивали представители Святейшего Синода и Академии художеств.

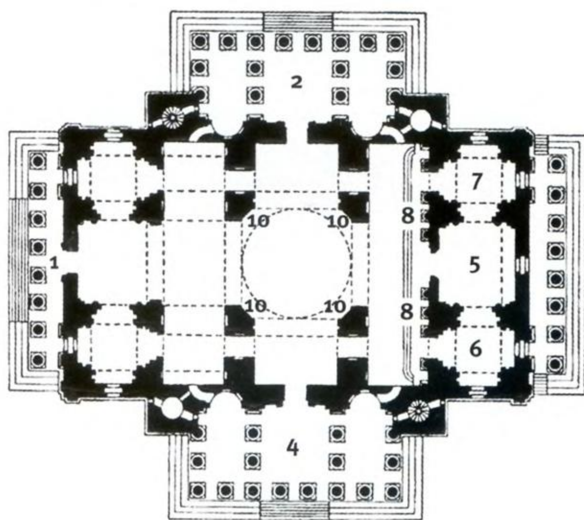
Довольно много споров вызвала техника росписей: Николай I склонялся к энкаустике (восковая живопись, исполняемая горячим способом), Монферран отдавал предпочтение масляной живописи. Свои требования предъявлял и сложный петербургский климат, и в итоге именно они оказались решающими: с 1851 года собор «расписывали» при помощи мозаики, демонстрирующей особую устойчивость к неблагоприятным воздействиям внешней среды. К слову, творения русских мозаичистов, трудившихся над убранством Исаакиевского собора, удостоились самых искренних восторгов на Всемирной выставке 1862 года, проходившей в Лондоне. Специалисты отмечали, что в России изготовление мозаик «доведено до такого совершенства, как нигде в Европе».

Своеобразие (несколько, впрочем, неправославного толка) придает интерьеру Исаакиевского собора витраж «Воскресший Христос», выполненный в Мюнхене. Он занимает все запрестольное окно и имеет площадь 28 квадратных метров. К сожалению, при проектировании этого витража было проявлено мало заботы о его пространственном восприятии, и в итоге посетитель видит фигуру Христа рассеченной надвое архитравом Царских врат. На это обратили внимание уже вскоре после освящения собора, а с проведением в храм электрического освещения в 1903 году неблагообразие балки, визуально отделяющей голову Спасителя от тела, стало настойчиво бросаться в глаза. Злосчастный архитрав планировали распилить посередине и присоединить его половины к створам Царских врат, но намерение это осталось невоплощенным: началась Первая мировая война.

▶ *Запрестольный витраж и иконостас. Иконостас собора, декорированный десятиметровыми малахитовыми колоннами, не является вполне каноническим. Росписи тоже расположены не так, как обычно это бывает в православном храме: например, образ «Страшный суд», традиционно помещаемый на западной стене храма, в Исаакиевском соборе находится прямо над иконостасом.*

Структура храма

Цифры и факты

Высота Исаакиевского собора — более ста метров, внутренняя площадь — более четырех тысяч квадратных метров. Стены собора снаружи облицованы серым русскеальским мрамором, 112 гранитных колонн разного размера украшают здание. Внешний диаметр купола собора — около 26 метров, на его золочение пошло 100 килограммов золота. На балюстраде купола находятся 24 скульптуры Ангелов и Архангелов.

В интерьере Исаакиевского собора обильно использованы разные сорта мрамора, малахит, бронза, а также шунгит и алевролитовый сланец, единственные месторождения которых находятся в Карелии. 103 стенные росписи, 52 картины на холсте и 62 мозаики составляют неотъемлемую часть убранства.

Обозначения

1. *Западный портик*
2. *Северный портик*
3. *Восточный портик*
4. *Южный портик*
5. *Алтарь*
6. *Придел святой Екатерины*
7. *Придел святого Александра Невского*
8. *Главный иконостас*
9. *Царские врата*
10. *Подкупольные пилоны*
11. *Киот с Тихвинской иконой Божией Матери*

Парадный фасад Петербурга

Исаакиевский собор играет важную роль в организации пространства парадной части Санкт-Петербурга. Северным фасадом он выходит на Сенатскую площадь, южным — на Исаакиевскую. Поблизости расположены также Адмиралтейская (ныне слившаяся с Александровским садом) и Дворцовая площади.

▲ *Памятник Петру I, творение Фальконе «со товарищи». Сам Фальконе выполнил конную статую, голову Петра I вылепила его ученица М. А. Колло, змею, попираемую копытами Петрова коня, — Ф. Г. Гордеев. Сложнейшим процессом отливки памятника руководил мастер Емельян Хайлов.*

«Медный всадник»

У всех, кто когда-либо бывал в Петербурге, Исаакиевский собор и памятник Петру I, с легкой руки Пушкина прозванный «Медным всадником», остаются в памяти «одной картинкой». Величественная, подлинно-имперская громада собора и отлитый в бронзе образ того, кто Россию «поднял на дыбы», — один из самых популярных «открыточных» видов Петербурга.

Французский скульптор Этьен Морис Фальконе работал над памятником Петру I не один год. Свою концепцию конной статуи императора, взметнувшейся над каменной волнообразной глыбой, ему пришлось отстаивать и перед Академией художеств, и перед самой императрицей. В итоге, пробыв в Петербурге двенадцать лет, он устал от конфликтов с двором и покинул Россию в 1778 году, так и не дождавшись установки памятника. Работы по его завершению поручили Ю. М. Фельтену, и 7 августа 1782 года состоялось торжественное открытие «Медного всадника», ставшего символом Петербурга и всей петербургской эпохи в истории России.

Сенат и Синод

С запада Сенатскую площадь ограничивают строения за номерами 1 и 3, возведенные в 1829–1836 годах по проекту К. И. Росси и под руководством А. Е. Штауберта. Это здания Правительствующего Сената и Святейшего Синода, соединенные аркой, оформляющей «устье» Галерной улицы и символизирующей единство государства и Церкви. Арку Росси «придумал», дабы угодить желанию Николая I видеть в здании Сената и Синода некое подобие зданию Генерального штаба, а впоследствии она стала мишенью для петербургских

▲ *Одним фасадом здание Сената и Синода выходит на Сенатскую площадь, другим — на Английскую набережную.*

▼ *Памятник Николаю I имеет всего две точки опоры, благодаря каковой особенности — преподнесенной искусствоведами как уникальное достижение отечественных инженеров — он уцелел в эпоху большевистских «гонений» на изваяния императоров. Лишился он лишь бронзовой ограды, демонтированной в 1940 году. В настоящее время ограда воссоздана.*

остряков. Говорили, намекая на корыстолюбие сенатских и синодальных чиновников, что они «живут под арками».

В советское время в помещениях Сената и Синода находилось Главное архивное управление. С 2008 года здание Сената занимает Конституционный суд Российской Федерации, а в здании Синода поместилась в 2009 году библиотека им. Б. Н. Ельцина.

Памятник Николаю I

Памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади был открыт 25 июня 1859 года. Проект его, подготовленный Монферраном, утвердили в мае 1856 года. Над конной статуей работал П. К. Клодт, в создании пьедестала из 118 блоков сердобольского и финляндского гранита, шокшинского порфира и белого итальянского мрамора участвовали архитекторы Н. Е. Ефимов и А. А. Пуаро. Над украшением пьедестала барельефами и аллегорическими скульптурами трудились скульпторы Р. К. Залеман и Н. А. Рамазанов. Залеману принадлежат аллегории «Сила», «Мудрость», «Вера» и «Правосудие» (любопытно, что лица этих скульптур имеют портретное сходство с супругой Николая I и его дочерьми), а также барельеф «Утверждение Свода законов 1832 года». Рамазанов исполнил барельефы «14 декабря 1825 года», «Появление Николая I на Сенной площади во время холерного бунта 1831 года» и «Открытие моста на Николаевской железной дороге в 1851 году».

Мариинский дворец

Бронзовый Николай I стоит спиной к Мариинскому дворцу, замыкающему ансамбль Исаакиевской площади с юга (адрес дворца — Исаакиевская площадь, дом 6). Дворец, являющийся памятником позднего классицизма, возводился в 1839–1844 годах по проекту А. И. Штакеншнейдера для великой княжны Марии Николаевны (в замужестве — герцогини Лейхтенбергской), дочери императора Николая Павловича.

В 1884 году Мариинский дворец был выкуплен в казну, и в нем разместились Государственный совет и Кабинет министров Российской империи (именно в Мариинском дворце в 1901 году прошло торжественное заседание в честь столетия Государственного совета, запечатленное И. Е. Репиным на знаменитой картине, находящейся сейчас в Русском музее). В 1902 году в вестибюле дворца эсер С. В. Балмашев застрелил министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

После 1917 года Мариинский дворец по очереди занимали различные советские учреждения. Во время Великой Отечественной войны здесь был госпиталь, тогда же здание сильно пострадало от бомб и снарядов. В 1945 году, после ремонта, его предоставили Ленсовету.

▼ *Мариинский дворец построен на месте дворца графа И. Г. Чернышева и полностью включает в себя его главный корпус, возведенный Ж. Б. Валлен-Деламотом в 1762–1768 годах.*

▶ *Именно в Ротонде Мариинского дворца (на фото) происходило заседание Государственного совета, запечатленное Ильей Репиным.*

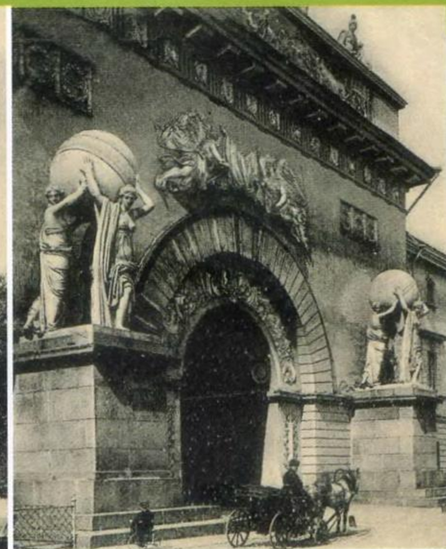

▲ *Шпиль Адмиралтейства («Адмиралтейская игла») перекликается с другой значимой «вертикалью» Петербурга — Петропавловским собором, но ниже ее почти в два раза: высота башни Адмиралтейства — 72 метра, тогда как Петропавловская колокольня взметнулась ввысь на 122 метра.*

▲ *Башня Адмиралтейства и арка, оформленная статуями нимф, несущих глобусы (скульптор Ф. Ф. Щедрин), и барельефом «Заведение флота в России» (скульптор И. И. Теребенев). Фотография начала XX века.*

▼ *Вид Зимнего дворца с Дворцового моста. Свою нынешнюю окраску, к которой мы так привыкли (и которую специалисты считают неудачной), дворец приобрел лишь в 1946 году. При постройке он был песочно-желтым с побеленными декоративными деталями, а затем дважды окрашивался в темно-красный колер.*

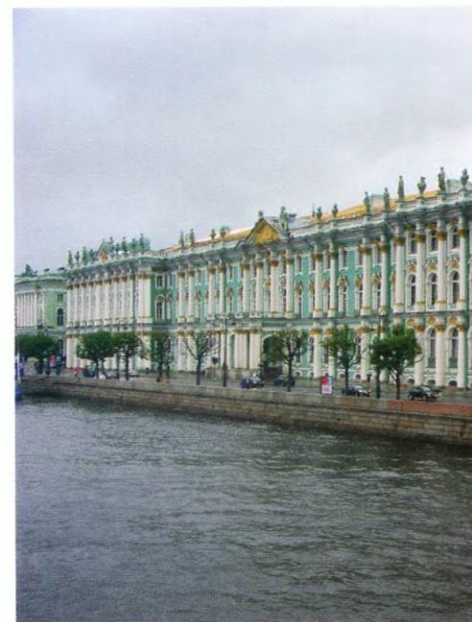
Сейчас дворец является местом заседаний Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

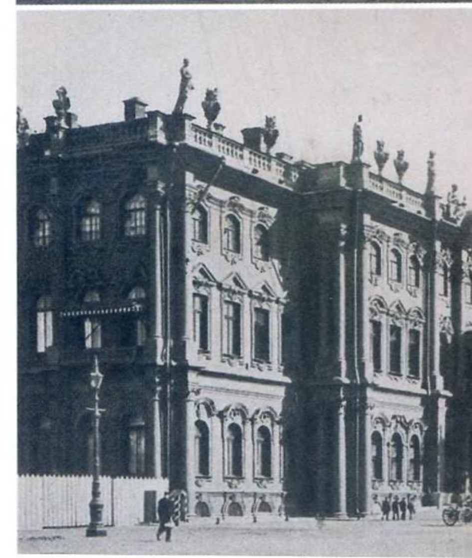
Адмиралтейство

Свой нынешний ампирный облик Адмиралтейство приобрело в 1806–1823 годах, когда его полностью перестроил архитектор А. Д. Захаров. Однако заложено Главное Адмиралтейство было еще в 1704 году самим Петром I. Тогда же для защиты Адмиралтейства и его верфи возвели крепость, а на прилегающей территории выросли Морские слободы (от них и ведут свое происхождение нынешние Малая и Большая Морские улицы).

Здание Главного Адмиралтейства в плане было П-образным и «раскрывалось» внутренним двором к Неве. На территории двора находилась Адмиралтейская верфь. В 1711 году в центре главного фасада Адмиралтейства появилась каменная башня со шпилем, служившая с 1718 года помещением для высшего органа управления флотом — Адмиралтейств-коллегии. Уже тогда на шпиле был установлен знаменитый кораблик, являющийся наряду с Медным всадником и Петропавловской крепостью символом Санкт-Петербурга. При перестройке Адмиралтейства в первой половине XIX века на шпиле установили новый кораблик. Прежний, к сожалению, исчез. Сейчас над Адмиралтейством красуется «кораблик № 3», а его предшественник пребывает в качестве почетного пенсионера в Военно-морском музее.

В 1721 году началась перестройка Адмиралтейства в камне, строительством руководил И. К. Коробов. Высота башни со шпилем достигла 72 метров. Однако сугубая утилитарность архитектурных форм Адмиралтейства уже к концу XVIII столетия не гармонировала с парадным фасадом Петербурга, в который Адмиралтейство было включено уже в силу своего географического положения. И в 1806 году вновь начались работы по его переустройству. Одновременно с этим замостили так

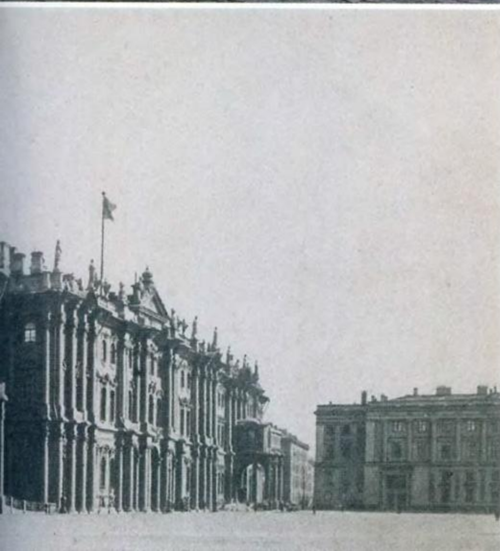

называемый Адмиралтейский луг — пространство к югу от здания, где проходили военные учения и народные гулянья.

От прежней постройки Захаров сохранил только башню со шпилем, создав грандиозное здание с фасадом, протянувшимся почти на полкилометра, и уничтожив фортификационные сооружения, которые были необходимы в условиях Северной войны, но к началу XIX века выглядели анахронизмом.

Облик нового Адмиралтейства во многом определяют скульптурные композиции, призванные увековечить морскую славу России, утвердить ее образ как великой морской державы. Над скульптурами и барельефами работали В.И. Демут-Малиновский, И.И. Теребенев, С.С. Пименов, Ф.Ф. Щедрин и А.А. Анисимов.

Александровская колонна

А.С. Пушкин, подобно некоему «новому Адаму», давал объектам Петербурга новые имена. Памятник Петру I он окрестил «Медным всадником», шпиль Адмиралтейства — «Адмиралтейской иглой», Александровскую колонну — «Александрийским столпом». Надо полагать, не избежал бы переименования и Исаакиевский собор, однако поэт не дожил до того времени, когда его гранитные стены поднялись над болотистой почвой столицы.

Что касается «Александрийского столпа», то он вознесся над Дворцовой площадью в 1834 году. Его открытие было приурочено к празднованию перенесения мощей св. Александра Невского в Петербург (30 сентября по старому стилю). Проект памятной колонны из цельного куска гранита принадлежит Монферрану, а идея — Николаю I, желавшему увековечить память царственного брата. Фигура ангела с крестом была выполнена скульптором Б.И. Орловским.

Любопытно, что петербуржцы поначалу боялись, как бы колонна не рухнула, и Огюст Монферран, дабы рассеять опасения, чуть не ежедневно прогуливался возле нее.

Зимний дворец

Самый знаменитый дворец Санкт-Петербурга, Зимний, строился по приказу императрицы Елизаветы начиная с 1754 года. Проект императорской резиденции подготовил В.В. Растрелли, главный петербургский зодчий елизаветинской поры. Сама государыня не дожила до окончания строительства, дворец был отстроен только к 1762 году.

Полновластной хозяйкой тысячи дворцовых покоев сделалась Екатерина II, однако она не оценила богатства архитектурного и скульптурного декора дворца, предпочитая барочной чрезмерности строгий классицизм, и следующие «околодворцовые» постройки царица не доверила Растрелли. Так, Малый Эрмитаж, продолживший линию Зимнего дворца вдоль набережной, строил в 1764–1767 годах Ж.Б. Валлен-Деламот, Старый Эрмитаж (1771—1787) — Ю.М. Фельтен, Эрмитажный театр (1783—1787) — Дж. Кваренги.

◄ Зимний дворец на фотографии начала XX века. Штурма Зимнего еще не было, но столовую Степан Халтурин уже взрывал.

▲ Монферран первоначально предлагал сделать монумент в виде обелиска, но Николай I повелел заменить обелиск на колонну, подобную колонне Траяна в Риме. Так, в соавторстве архитектора и монарха, родилась Александровская колонна.

Интерьеры дворца на протяжении его существования в качестве главного «дома» Романовых неоднократно менялись. Самое серьезное переустройство пришлось провести после пожара 1837 года, продолжавшегося больше 30 часов и оставившего после себя одни черные стены. К настоящему времени от первоначальных интерьеров сохранилась лишь парадная Иорданская лестница.

В 1922 году весь комплекс Зимнего дворца был передан Государственному Эрмитажу.

«Архитектор

Личность и деятельность Огюста Монферрана вызывали в Петербурге разноречивые толки. Одни говорили о нем как о безвестном чертежнике, самонадеянном парвеню, другие ценили в нем талант и практическую сметку.

Анри Луи Огюст Леже Рикар де Монферран родился в 1786 году в предместье Парижа. Настоящая фамилия его, которую дал ему отец, директор Королевской академии верховой езды в Лионе, была Рикар. Монферраном творец Исаакиевского собора стал позднее.

Детство и юность будущего архитектора пришлись на бурную эпоху в истории Франции. Двадцати лет он поступил в Специальную школу архитектуры (бывшая Королевская Академия архитектуры), но учеба часто прерывалась военными походами, в которых юноша принимал участие — и весьма заинтересованное, если судить по ордену Почетного легиона, полученному им за сражение при Арно.

Тем не менее после падения Наполеона Монферран не стал тужить о погибшей славе Франции, а вышел в отставку и занялся делом, которому он учился, поступив под начало Ж. Молино, генерального инспектора Парижа по строительству и архитектуре. Этот период в его биографии был кратким и блеклым, но уже тогда молодой человек сделал первый шаг к своей грядущей славе: поднес после вступления русских войск в Париж Александру I «Альбом разных архитектурных проектов, посвященных Его Величеству Императору Всероссийскому Александру I». Изящество рисунков и их «русофильский» пафос сделали свое дело. Монферрана заметили, и в 1816 году он явился с рекомендательным письмом в Петербург.

«Какой-то рисовальщик»

Автор любопытных «Записок» Ф. Ф. Вигель так рисует свое первое впечатление от безвестного ино-

▼ Вступление русского войска в Париж в 1814 году. Фрагмент росписи церкви свв. Хрисанфа и Дарии, Ипатьевский монастырь (Кострома).

▼ Огюст Монферран в 1820 году.

невзначай»

▼ *Для Москвы Монферран почти не успел потрудиться. Но и здесь есть нечто, что напоминает о нем: именно творец Исаакиевского собора поднял Царь-колокол с земли на фундамент.*

▲ *Монферран с моделью Исаакиевского собора на горельефе портика западного фасада (автор — И. П. Витали).*

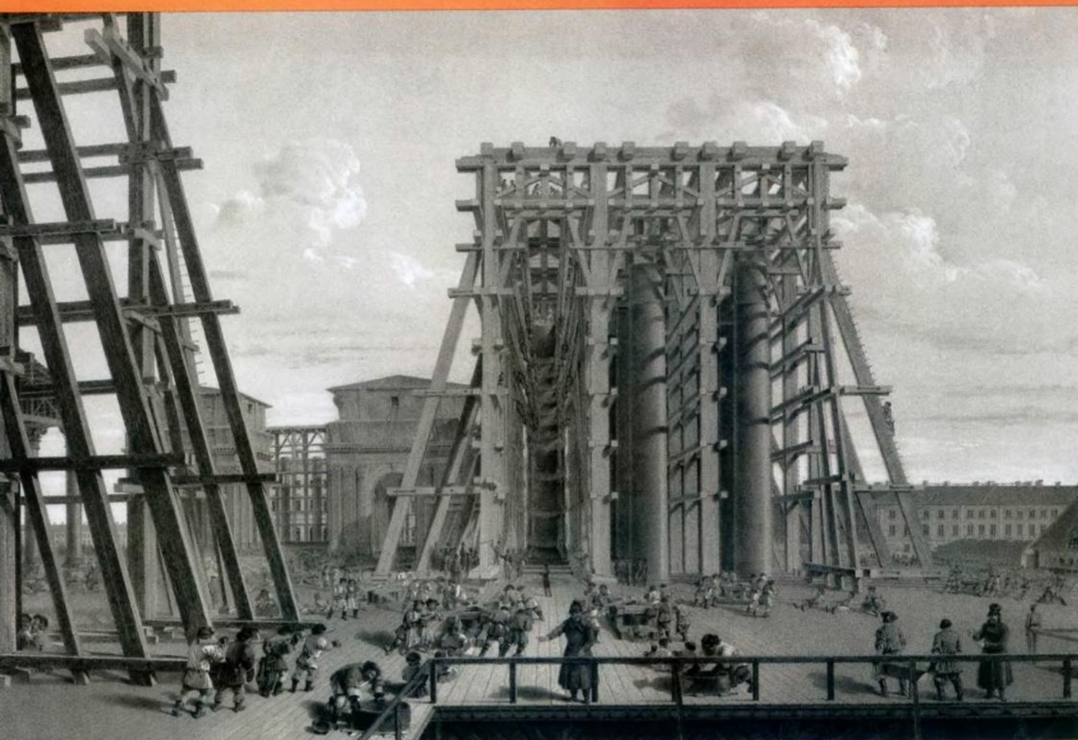
странца, явившегося покорять столицу Российской империи: «В одно утро нашел я у Бетанкура (выдающийся инженер А. А. Бетанкур, в описываемое время — председатель Комитета по делам строений и гидравлических работ Санкт-Петербурга. — *Прим. ред.*) белобрысого французика, лет тридцати, не более, разодетого по последней моде, который привез ему рекомендательное письмо от друга его, часовщика Брегета. Когда он вышел, спросил я об нем, кто он таков? "Право, не знаю, — отвечал Бетанкур, — какой-то рисовальщик, зовут его Монферран. Брегет просит меня, впрочем, не слишком убедительно, найти ему занятие, а на какую он может быть потребу?»

Меж тем занятие «французику» нашлось, и очень скоро. С истинно галльской сноровкой и самоуверенностью он представил Александру I двадцать четыре проекта перестройки Исаакиевского собора, проявив при этом недюжинный сервилизм: он обещал государю сохранить все возможное от старого храма — тогда как другие архитекторы предлагали строить собор заново (что было бы более грамотно с технической точки зрения). Беда лишь в том, что Монферран, по-видимому, не слишком понимал, как воплотить собственный замысел в жизнь. Но это не помешало ему получить место придворного архитектора и начальника чертежной Комитета по делам строений.

Помощники придворного архитектора

«Все споспешествовало этому человеку, — писал о Монферране Вигель, — искусство и Бетанкура, и Яковлева (русского промышленника, изыскавшего, по мнению Вигеля, способ выламывать гранитные колонны из скал; сегодня считается, что этим изобретением мы обязаны мастеру Суханову. — *Прим. ред.*), и, наконец, каменного дела мастера Квадри, который прочно умел строить, лучше всякого архитектора. Ему оставалось только рисовать да пока учиться строительной части».

Если уж Вигель, вполне доброжелательный к Огюсту (или, как его звали на русский манер — Августу Августовичу) Монферрану, называл его «архитектором невзначай», то

Леса для установки колонн Исаакиевского собора. Лист из альбома Огюста Монферрана.

Дом Лобанова-Ростовского на Адмиралтейском проспекте.

Ярмарочный собор и Китайские ряды в Нижнем Новгороде (из альбома великого князя Михаила Николаевича, рисовано с натуры Г. Рыбинским).

можно представить себе, как относились к нему другие — в особенности архитекторы, у которых он перебивал хлеб. Именно о «перебивании хлеба» у русских архитекторов говорил В.П. Стасов. Другие зодчие — и не только собственно русского происхождения — тоже роптали. Иностранцы вообще не могли понять, как мастеру, ничего самостоятельного не создавшему у себя на родине, поручили столь ответственное, многомиллионное дело.

Нельзя сказать, что эта критика была необоснованна. Действительно, Монферран временами попадал впросак, не зная, как технически осуществить нарисованное им. Например, установить колонны Исаакиевского собора ему было бы не под силу без помощи Бетанкура, спроектировавшего уникальный подъемный механизм. А когда дело дошло до сведения новых пилонов со старыми, оставшимися от прежнего Исаакиевского собора, работы попросту встали: «архитектурно-инженерное сообщество» указало Монферрану, что купол собора непременно рухнет, ибо старые конструкции просто не выдержат его веса. Монферран, впрочем, и не отказывался от своей ошибки, хотя и старался переложить ответственность на плечи высочайшего заказчика.

«ГДЕ ДОМ В УГЛУ ВОЗНЕССЯ НОВЫЙ...»

Несмотря на некоторую опрометчивость и «небезусловный» профессионализм Монферрана (последнее в основном относится к ранним годам его деятельности), нелепо видеть в нем эдакого «Хлестакова от архитектуры». Это был недюжинный архитектор, способный действовать с размахом, а критика в его адрес звучала не только из уст серьезных зодчих, но также из стана завистников. И было чему позавидовать! Безвестный молодой «рисовальщик», чужеземец строит главный собор в главном городе могущественной империи, получает чин действительного тайного советника, украшенную бриллиантами золотую медаль на Андреевской ленте, орден св. Владимира III степени, 40 тысяч рублей серебром (только за Исаакиевский собор) и пенсию в 5 тысяч рублей.

Жизнь Монферрана связана с Исаакиевским собором. Поглощенный этим грандиозным строительством, он мало работал над другими объектами. В Петербурге и его

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странáх, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

Ф. И. Тютчев

окрестностях Монферран — кроме собора и Александровской колонны — построил лишь несколько зданий. Однако среди них столь известные, как дом А. Я. Лобанова-Ростовского, увековеченный в пушкинском «Медном всаднике»:

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный,
Евгений...

Дом действительно был тогда новым, а площадь Петрова — это Сенатская площадь.

В 1817–1822 годах Огюст Монферран разрабатывал проекты для ярмарочных построек в Нижнем Новгороде (к настоящему времени от ансамбля остался лишь Спасский Староярмарочный собор).

Бюст О. Монферрана, сделанный из тех же материалов, что использовались при строительстве и отделке Исаакиевского собора.

Невоплощенные замыслы

Архитектор умер, успев завершить главное дело своей жизни — возведение Исаакиевского собора. Однако свои наиболее значительные градостроительные идеи ему реализовать не удалось. Согласно его замыслу, площадь перед Адмиралтейством должна была «перевоплотиться» в зеленую эспланаду, а на пересечении ее главной оси (совпадающей с Александровской колонной) с тремя основными магистралями Петербурга следовало разбить фонтаны. На пересечении этой же оси с поперечной осью Исаакиевского собора зодчий замыслил установить памятник Петру I. Если бы эти идеи были осуществлены, центральные площади Петербурга оказались бы вовлечены в единое архитектурно-смысловое пространство, что, безусловно, послужило бы к украшению столицы. Но Монферран умер, а после его смерти никто не озаботился приложением его проектов к градостроительной действительности.

Вдова архитектора увезла его тело на родину. Вопреки своему желанию — остаться костьми в Петербурге — Монферран был погребен на парижском кладбище Монмартр рядом с могилой матери.

Исаакиевский собор зимой на картине В. И. Сурикова (1870 год).

«Великий Карл»

В стороне от работы над самым грандиозным храмом эпохи не мог остаться К. П. Брюллов — «великий Карл», как называли его современники. По указанию Николая I ему поручили роспись главного купола Исаакиевского собора.

Бюст Карла Брюллова в Михайловском саду Петербурга.

К моменту начала живописных работ в соборе Брюллову было уже более сорока лет, однако к почетному заказу он отнесся с юношеским энтузиазмом. «За что так милостив ко мне Бог! — восклицал он в присутствии своих учеников. — Мне тесно здесь! Я расписал бы теперь целое небо!»

В 1843 году Брюллов представил на высочайший суд эскиз росписи плафона, причем ее концепцию художник разработал самостоятельно. Изначально предполагалось изобразить в куполе 12 апостолов, однако Брюллов посчитал, что «эти украшения главного купола будут холодны и сухи», — и был, несомненно, прав, учитывая то, что те же фигуры апостолов зритель должен был встретить и в барабане купола. Взамен мастер предложил написать «в своде под фонариком Иисуса Христа во славе с небесным знамением, в большом своде купола молящуюся Богоматерь с предстоящими по сторонам: с правой — Иоанном Крестителем, с левой — Иоанном Богословом, а на остальном пространстве — ангелов-хранителей Августейшего Дома. В подкупольной башне — двенадцать картин по золотому полю, изображающих восемь апостолов... и четырех христианских добродетелей: Надежду, Веру, Любовь и Софию. На парусных сводах четыре картины по золотому полю, изображающие четырех евангелистов.... Под парусными сводами четыре картины, изображающие страдания Христа: 1) Иисус предается; 2) Се человек; 3) Бичевание Христа; 4) Несение креста».

«Прошу войти в мое положение...»

Исполненные Брюлловым эскизы Николай I весьма одобрил, высказав художнику особое благоволение «за сочинение оных». Мастер хотел сра-

Последний день Помпеи

«И стал “Последний день Помпеи” для русской кисти первый день!» — восклицал Е. А. Баратынский в стихотворении, посвященном Брюллову. Нельзя не увидеть здесь некоторого поэтического преувеличения (впрочем, вполне искреннего), однако это полотно действительно обозначило целую эпоху в русском искусстве, а уж его автора вознесло — во мнении зрителей — прямо на Парнас, к Аполлону и музам. Им восхищались в Риме, Париже, Санкт-Петербурге. Не будь «Последнего дня Помпеи» — возможно, не было бы и плафона Исаакиевского собора. Николай I настороженно относился к художнику, угадывая за его верноподданнической наружностью слишком сильные и свободные страсти, но «Последний день Помпеи» определил первенствующее положение Брюллова среди русских живописцев, и обойти его автора вниманием при распределении заказов на росписи не представлялось возможным.

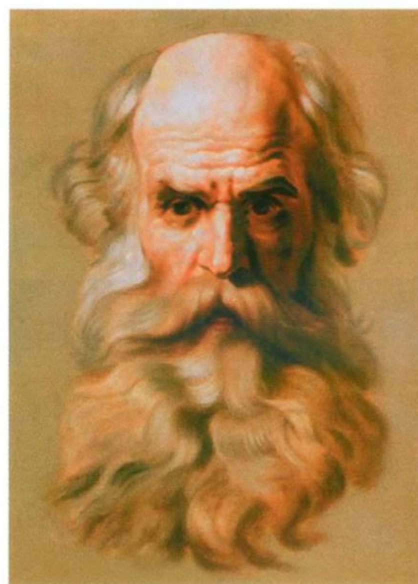
«Последний день Помпеи» (1830—1833).

зу же приступить к работе над росписями, но тут вмешался Монферран, неприязненно относившийся к Карлу Павловичу. Теперь уже невозможно установить, что послужило причиной к их вражде, однако последствия ее вполне могли лишить нас выдающегося памятника монументальной живописи. Монферран сумел «отодвинуть» Брюллова от заказа и лишь спустя полтора года (видимо, не без вмешательства императора) допустил его «к работе по украшению большого свода».

Работа на огромной высоте, в помещении, где еще продолжались отделочные работы, насыщавшие воздух мелкой мраморной пылью, пагубно сказалась на и без того некрепком здоровье Брюллова. Борясь с изнурительным недугом, художник все же закончил основной объем росписей плафона, оставалось написать фон — а с этим вполне могли справиться ученики.

Вынужденный в 1847 году прервать работу, Брюллов объяснялся с Комиссией о построении Исаакиевского собора: «Сквозной ветер был главною причиною расстройства моего здоровья… ибо для истребления сырости признано нужным открывать окна для проветривания и сушки; между тем жар снизу, подымаясь вверх, наполнял купол и возвышал температуру до того, что не было возможности работать, оставаясь тепло одетым. Простуда, ревматизм, переходящий из места в место и павший на сердце, произвели воспаление, и следствием того была моя опасная болезнь, продолжительная и ужасная… Все это предаю в милостивейшее внимание Комиссии и прошу войти в мое положение как человека и как художника…»

Завершить росписи по существующим брюлловским эскизам поручили П. В. Басину, а сам «великий Карл», прохворав два года, оставил Петербург с его гнилым климатом и уехал поправлять здоровье на Мадейру. Спустя год, совершив небольшое путешествие по Испании, он обосновался в Риме. Но болезнь не отпускала его. В июне 1852 года русский посланник в Риме сообщал в Петербург: «Имею честь уведомить о кончине К. П. Брюллова, последовавшей 11 сего июня в местечке Манциана, в 30 милях от Рима, куда он отправился для пользования тамошними минеральными водами… Он был в тот день с утра на ногах, обедал по обыкновению, как вдруг сделался с ним припадок удушья, и часа через три он испустил дух, в совершенной памяти…»

▲ *«Голова апостола». Эскиз росписи Исаакиевского собора работы К. П. Брюллова.*

◀ *Купол Исаакиевского собора, расписанный Брюлловым и, видимо, в конечном счете стоивший ему жизни.*

«Дом Мой домом молитвы наречется»

Музеефикация была спасением для храмов при советской власти. Работники музеев и реставраторы отстаивали церкви от разрушения, сохраняли, насколько это возможно, их интерьеры, вели исследовательскую работу. И, естественно, начавшийся в 1990-е годы процесс «воцерковления» музейных храмов не мог быть гладким. Но он все же начался и к теперешнему времени принес определенные плоды.

В XX веке Исаакиевскому собору пришлось пережить немало. Самым тяжелым периодом в его «биографии» стал 900-дневный период блокады. Хотя собор избежал прямых попаданий бомб и снарядов (немцы не стреляли по нему, его высокий купол служил для них слишком хорошим ориентиром), но за время войны он пришел в аварийное состояние. В блокаду храм не отапливался и зимами промерзал настолько, что иней выступал на стенах и внутренних колоннах. Весной стены оттаивали, и вода ручьями бежала по ним, уничтожая росписи. Больше всего пострада-

Рождественское богослужение в соборе прп. Исаакия Далматского.

ла композиция Ф. А. Бруни «Адам и Ева в Раю» над западными дверями: ее пришлось переписывать заново.

После войны Исаакиевский собор отреставрировали. Полностью этот процесс завершился к 1963 году, и с тех пор собор функционировал как музей — по счастью, уже не атеистический, а историко-художественный (каковой статус он приобрел в 1937 году). Храм жил — но жил «вполжизни». «Дом Мой домом молитвы наречется», — сказал Господь, а вот молитва-то и ушла из Исаакиевского собора, осиротив его на несколько десятилетий.

Только в 1990 году митрополит Ленинградский (тогда еще — Ленинградский) и Новгородский Алексий, будущий Патриарх, сумел добиться того, чтобы молитва вернулась в храм. 17 июня 1990 года, вскоре после Патриаршей интронизациии, он отслужил в соборе Божественную литургию. Затем, уже заботами митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, богослужебная жизнь Исаакиевского собора приняла «регулярные» черты. С 1998 года, согласно распоряжению губернатора Санкт-Петербурга, Церковь получила возможность совершать в бывшем кафедральном соборе 8 богослужений в год.

Увы, тогдашняя администрация отнеслась к этому решению без особенного сочувствия и не позволяла обустроить все, что необходимо для совершения богослужений. Накануне службы приходилось завозить «походные» престол, жертвенник, кафедру, богослужебную утварь, а на другой день убираться со всем этим восвояси.

К лучшему ситуация переменилась в 2002 году, в связи с административными перестановками среди руководства музея. Церкви передали северный придел собора, богослужения стали совершаться по праздникам и воскресным дням. У Исаакиевского собора появились причт и прихожане. Теперь сюда приходят не только для того, чтобы осмотреть достопримечательности внутреннего убранства или подняться на колоннаду. Молитва вернулась в Божий дом.

◀ Вид на Петербург с колоннады Исаакиевского собора. Тысячи туристов ежегодно преодолевают 562 ступени, ведущие к смотровой площадке, чтобы полюбоваться панорамой северной столицы.

Справочная информация

Музей-памятник «Исаакиевский собор» работает ежедневно, кроме среды. Летнее расписание: 10:00–23:00. Зимнее расписание: 11:00–19:00. Касса закрывается за 1 час до окончания работы музея. Колоннада Исаакиевского собора открыта для посещений летом с 10:00 до 04:00, зимой — с 11:00 до 18:00. Внимание: для посещения собора и колоннады нужно покупать разные билеты!

Богослужения совершаются по воскресным и праздничным дням (Божественная литургия в 11:00, исповедь — в 10:30), вечернее богослужение накануне начинается в 16:00. Перед началом службы и во время нее верующие могут свободно, не приобретая билетов, пройти в собор через северные двери — со стороны Адмиралтейства.

Внимание! Дни и часы работы музея, а также цены на билеты могут меняться. Необходимую информацию уточняйте заранее.

Контакты

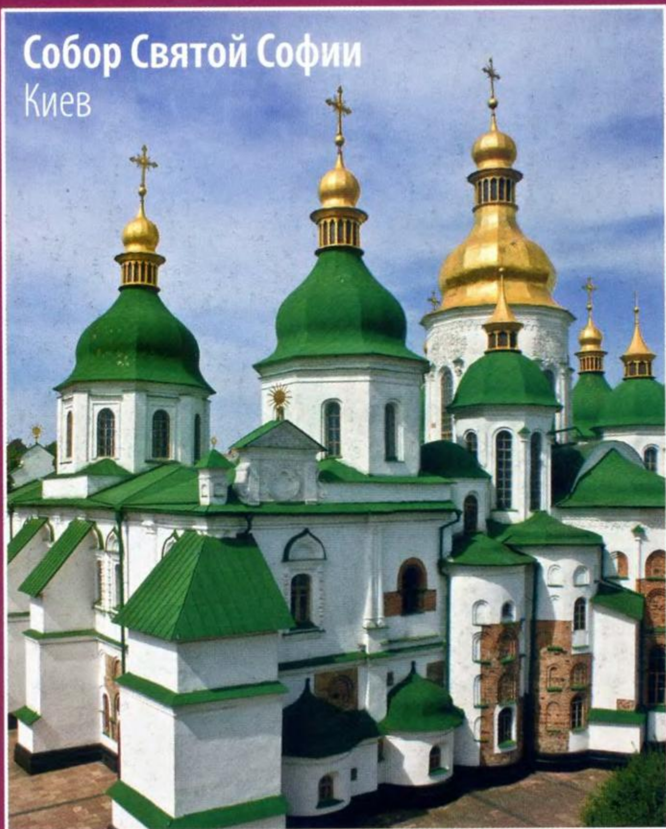
Адрес: 190000, Россия, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., д. 4
Телефон для справок: +7 (812) 315-97-32
Сайт: www.cathedral.ru

Как добраться

Если вы идете в Исаакиевский собор, не ставя целью прогулку по Невскому проспекту, Конногвардейскому бульвару, Английской набережной или Александровскому саду, то, на наш взгляд, удобнее всего воспользоваться метрополитеном и выйти на станциях «Сенная площадь» или «Садовая». Обе станции имеют выход на Сенную площадь, от которой надо пройти по переулку Гривцова до набережной реки Мойки и повернуть налево. Приблизительно через 100 метров вы окажетесь на Исаакиевской площади.

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Собор Святой Софии, Киев

В 2011 году собор Святой Софии в Киеве отметил свое «официальное» тысячелетие. И хотя такая датировка удовлетворила далеко не всех исследователей, в сущности, теперь уже не столь важно, является ли годом основания Софийского собора 1011, 1017 или 1037. Гораздо важнее то, что этот храм стал свидетелем древнейшей истории Руси и ее «материальным воплощением».

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+